

Изменение роли «третьего» сектора в процессе трансформации государства благосостояния (на примере Санкт-Петербурга)

Анна Тарасенко, кандидат полит. н, доцент кафедры прикладной политологии НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Аннотация:

Российский «третий» сектор, включающий все разнообразие общественных объединений граждан, созданных для решения определенного круга задач, чаще всего рассматривается в качестве относительно самостоятельного феномена, способного оказывать влияние на политические и социально-экономические процессы. Очевидно, преобладание такой исследовательской перспективы связано с распространением дискурса гражданского общества в его интерпретации как противостоящей государству общественной силы, способной изменять качество политического процесса, вовлекая граждан в общественную активность. Вместе с тем, этот подход не всегда плодотворен для описания и объяснения российских реалий. Цель данной работы состоит в том, чтобы протестировать применимость теории социального происхождения (social origin theory), которая описывает «третий» сектор как одну из составляющих частей системы социального обеспечения, и на более общем уровне обобщения, системы разделения функций между государством и обществом в решении социальных вопросов. Такой теоретический ракурс задает методологические рамки анализа, в центре которого лежит изучение реформирования принципов управления социальной системой РФ, что влечет за собой перераспределение функций между общественными и государственными институтами. Задачей анализа является оценка происходящих реформ и их влияние на качественные и количественные изменения в российском «третьем» секторе¹.

1. Некоммерческий сектор как часть социальной системы государства

Исходя из поставленной задачи, можно констатировать, что объектом анализа является трансформация государства благосостояния (реформирование социальной сферы), а предметом – изменяющаяся роль некоммерческого сектора в сфере предоставления социальных услуг. В качестве отправной точки я использую определение некоммерческого сектора, данное Лестером Саламоном и Хельмутом Анхейером (Salamon, Anheier, 1996: 2), которые выделяют несколько его классических характеристик:

1. определенная степень институционализации (общественные объединения имеют определенную структуру);
2. институциональная независимость от государства (при этом организации могут иметь государственную поддержку и чиновники могут занимать должности в общественных объединениях);
3. доходы от деятельности общественных объединений не распределяются между членами организации или ее владельцами;
4. самоуправляемость (значительная степень внутренней автономии);
5. волонтерство составляет значительную часть привлекаемой рабочей силы.

¹ Понятие «третий» сектор и некоммерческий сектор совпадают по смысловой нагрузке и используются в данной работе как синонимы.

Таким образом, некоммерческий сектор представляет собой всю совокупность объединений, которые соответствуют выделенным критериям.

Для ответа на исследовательский вопрос была выбрана теория социального происхождения, поскольку она рассматривает систему социального обеспечения в качестве определяющего фактора его развития. А поскольку именно трансформация государства благосостояния находится в фокусе анализа, то основные постулаты могут быть полезны для описания и объяснения происходящих процессов и их последствий для некоммерческого сектора. Вторая концепция, используемая в работе - «третий» сектор (или некоммерческий сектор) традиционному развивалась в американской политической науке для определения пространства между рынком и государством. Сам термин подразумевает наличие формальных, профессиональных некоммерческих групп, которые вовлечены в сферу предоставления социальных услуг и тесно связан с неолиберальной концепцией развития (Salmenniemi, 2008: 4).

Согласно теории социального происхождения, некоммерческий сектор является частью социальной системы государства, чья роль и масштаб является продуктом целого комплекса исторических факторов (Alarigo, 2010: 11). Профессор Алапуро использует этот подход вслед за американскими исследователями: Лестером Саламоном и Хельмутом Анхейером (Lester Salamon, Helmut Anheier). Государство благосостояния получило широкое распространение во многих странах мира. Общеизвестным является тот факт, что подавляющее число социальных систем стран мира представляют собой модель государства благосостояния, где правительство берет на себя львиную долю расходов и обязательств социального обеспечения своих граждан. В этой интерпретации, посткоммунистические государства не являются исключением (Cook, 2007).

Ключевым движущим элементом развития государства благосостояния в мире стало распространение избирательного права и выборы в целом, которые способствовали расширению представительства и учету интересов множества социальных групп. Стремясь получить поддержку населения на выборах, политические партии брали на себя все больше гарантий по отстаиванию социальных прав граждан. В результате чего, этот спектр оказался настолько значительным и систематично встроенным в политический курс, что отказ от какой части влечет за собой неминуемые общественные протесты (в экономике этот эффект называется «эффект храповика»). Конечно, страны различаются по степени государственного присутствия в социальной сфере. Если взять за показатель долю социальных расходов от ВВП, то в России этот показатель составляет 23% (социальная политика) и 14,2% (социальная защита) от ВВП в 2010 году², что в целом равняется 37,2% и представляет средний показатель по сравнению с другими странами.

Таким образом, государство благосостояния подразумевает, что социальные гарантии берет на себя правительство, которое полностью обеспечивает и регулирует социальную сферу. Тот факт, что монополия государства в социальной сфере ограничивает деятельность коммерческого и некоммерческого сектора, является основным тезисом теории социального происхождения. Поэтому, особенности

² Материалы Независимого института социальной политики

http://www.socpol.ru/research_projects/doc/Social_Expenditures_Table_2003-2010_eng.pdf

некоммерческого сектора (прежде всего, подавляющей его части, которая производит услуги в сфере здравоохранения, образования, правовой и юридической помощи незащищенным социальным группам) рассматриваются в качестве продукта системы социального обеспечения.

Вместе с тем, исследователи показывают современные тенденции к либерализации социальной системы во многих европейских государствах. Классик современного неолиберального подхода Дэвид Харлей выделяет несколько ключевых элементов этого процесса: приватизация, децентрализация (deregulation) и уход государства из значительной части социальной сферы (Hemment, 2009: 48). В качестве примера можно привести приватизацию бывших государственных учреждений (библиотеки, бассейны) в Германии и Великобритании. В Соединенном королевстве этот процесс политически окрашен и транслируется в качестве концепции «маленькое государство – большое общество» (small state – big society)³. Как показывают исследования Х.Анхейера, приватизация социальной сферы и рост спроса на социальные услуги стали основными движущими силами роста объема некоммерческого сектора в государствах Европейского союза (Anheier, 2002).

Похожую риторику можно наблюдать и в современной России, когда в 2004 В.Путин в своем послании призывал «социальные организации помогать государству в осуществлении социальных программ» (Richter, 2009: 45). Более того, политическая риторика вылилась в совершенно конкретные политические меры: монетизация льгот, пенсионная реформа, приватизация собственности. Наравне с ними, однако, реализуются программы поддержки материнства и детства (материнский капитал) и молодежные проекты («Наши», Молодая Гвардия и др.), что свидетельствует о неоднозначности происходящих процессов (Hemment, 2009: 36).

В целом же, российские и зарубежные исследователи видят тенденции перехода от государства благосостояния к неолиберальной модели управления социальной сферой (Якимец, 2010; Cook, 2007; Salmenniemi, 2007). Что, несомненно, оказывает влияние на присутствие коммерческого и некоммерческого сектора в этой сфере. Движущей силой сокращения присутствия государства в социальной сфере является административная и бюджетная реформы. По мнению американской исследовательницы Линды Кук, либерализация подразумевает не только снижение затрат государства на социальное обеспечение (количественный показатель), но и сокращение государственных программ и администрирования и их замещение рынком социального обеспечения и приватизированными социальными услугами (качественный показатель) (Cook, 2007: 10). Среди явных признаков либерализации социальной сферы в современной России можно назвать следующие:

1. Сокращение социальных обязательств государства: монетизация льгот, пенсионная реформа;
2. Оптимизация предоставления государственных услуг в социальной сфере с целью сокращения государственных расходов (вызвана неэффективностью

³ См, например: “The Big society”: civic participation and the state in modern Britain. (<http://www.historyandpolicy.org/papers/policy-paper-103.html>)

государственных и муниципальных учреждений, которые уже сейчас переводятся на самообеспечение посредством изменения правового статуса – бюджетные, автономные и казенные учреждения (снижение налоговых льгот для всех организационных форм НКО);

3. Аутсорсинг в сфере предоставления социальных услуг (ГАООРДИ, Ночлежка, Родительский мост и др.); по сути, происходит передача социальных функций некоммерческому сектору передача некоторых функций коммерческому и некоммерческому сектору (услуги по уходу за незащищенными социальными группами берут на себя НКО: социальное такси, деятельность таких организаций как ГАООРДИ, «Родительский мост» и другие).

Все эти процессы свидетельствуют о трансформации государства благосостояния и либерализации социальной политики российского государства. Исходя из выбранной теоретической рамки, можно сформулировать несколько гипотез относительно влияния этих процессов на качественные изменения роли «третьего» сектора в сфере предоставлении социальных услуг:

1. Формирование рынка социальных услуг и как результат нарастание рыночных тенденций в некоммерческом секторе (появление платных услуг, нарастание конкуренции между коммерческими, некоммерческими организациями и бывшими государственными учреждениями, рост профессионализма).
2. Снижение роли государства в сфере предоставления социальных услуг будет сопровождаться количественными изменениями некоммерческого сектора (увеличением объема) и качественными сдвигами (увеличение роли коммерческого и некоммерческого сектора в социальной сфере).

Тестирование гипотез произведено на примере анализа реализации административной и бюджетной реформы в Санкт-Петербурге. В частности, был проанализирован процесс принятия и реализации закона Санкт-Петербурга «О поддержке социально-ориентированных НКО» и принятие правительственной программы поддержки социально-ориентированных НКО. Были изучены существующие и новые механизмы финансирования деятельности некоммерческих организаций (субсидии из регионального бюджета, государственный заказ, правительственная программа поддержки СО НКО). Для выявления качественных изменений в некоммерческом секторе были взяты интервью с представителями организаций, работающих в социальной сфере. Также были использованы материалы экспертного семинара, посвященного оценке индекса устойчивости некоммерческого сектора Санкт-Петербурга, аналитические материалы Центра гражданского анализа и независимых исследований ГРАНИ (г. Пермь), рабочей группы №16 «Развитие общественных институтов» (Стратегия 2020) и другие. Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов относительно тенденций развития некоммерческого сектора в Санкт-Петербурге, и факторов, оказывающих влияние на этот процесс.

2. Административная и бюджетная реформы в качестве факторов развития некоммерческого сектора

Одним из важных процессов, определяющих развитие нашей страны (наравне с политическими) связаны с реализацией административной реформы,⁴ основная цель которой связана с достижением идеалов «достойного правления» (good governance) и включает в себя повышение прозрачности процесса государственного управления, ограничение чрезмерного государственного регулирования и передачу некоторых государственных функций общественным институтам. В совокупности с бюджетной реформой, российское правительство стремится реализовать новый подход в управлении, ориентированный на результат и эффективность использования бюджетных средств (new public management). В сфере предоставления социальных услуг эти принципы должны реализовываться в двух направлениях:

- реформирование неэффективных государственных и муниципальных учреждений (изменение их нормативно-правовой формы),
- и создание условий для деятельности коммерческих и некоммерческих организаций в этой сфере.

Результатом этих реформ должно стать формирование рынка социальных услуг. Так, существует несколько механизмов включения НКО в реализацию социальных программ: субсидии для НКО, государственный заказ и новые правительственные программы поддержки СО НКО. Можно условно выделить последние два механизма как функционируют в логике административной реформы и формирования рынка услуг. Они, несомненно, имеют и свои ограничения, однако в целом можно охарактеризовать их следующим образом. *Государственный заказ* является относительно новым механизмом. Как показывает анализ Санкт-Петербургского портала государственных закупок и обзор рабочей группы «Развитие общественных институтов» (Стратегия 2020), этот механизм привлечения некоммерческих организаций является маргинальным. Прежде всего, потому что эта сфера монополизирована государственными и муниципальными учреждениями⁵. В Санкт-Петербурге только незначительное количество НКО участвовали в конкурсах на государственный заказ с положительным (НП «Доверие») и отрицательным опытом («Врачи детям»). Решение проблемы с монополией государство планирует решить при помощи изменения нормативно-правового статуса государственных и муниципальных учреждений, переформатировав их в НКО (казенные, автономные или бюджетные учреждения).

Кроме того, в конкурсе на предоставление государственного заказа в подавляющем большинстве участвуют крупные лоты, которые требуют наличия у организаций инфраструктуры (например, организация детского отдыха). Этого, конечно, НКО не могут себе позволить. Вместе с тем, многие СО НКО города Санкт-Петербурга являются

⁴ Официальный сайт административной реформы РФ: <http://ar.economy.gov.ru/>

⁵ Аналитическая записка «Совершенствование институциональных условий функционирования НКО, привлечение НКО к предоставлению государственных (муниципальных) услуг (работ), подготовленная Институтом экономики города. (http://strategy2020.rian.ru/g16_docs/20111201/366213790.html)

производителями комплексных, высокоспециализированных услуг, которые не выставляются на конкурс. Более того, Постановлением Правительства Санкт-Петербурга был принят «рациональный набор социальных услуг», который и будет закупаться у альтернативных поставщиков. Такое ограничение, несомненно, противоречит логике формирования рынка услуг, ориентированного на потребности граждан. Таким образом, спектр предлагаемых на конкурс государственного заказа услуг не учитывает этих особенностей и большинство услуг представленных на конкурс, являются неспециализированными (клининг, бухгалтерия, транспортные услуги и т.д.).

Подводя небольшой итог следует отметить, что механизм государственного заказа как канал реализации рыночного механизма в сфере предоставления социальных услуг, чрезвычайно ограничен и требует реформирования. Прежде всего, нивелирование монополии государственных учреждений и создание условий для СО НКО (обеспечение инфраструктурой, регулирование налогообложения, решение вопроса о статусе имущества НКО, возможности предоставления кредита и т.д.), что позволило бы им выйти на рынок наравне с государственными и муниципальными учреждениями и коммерческими организациями.

Анализ процесса преобразования государственных учреждений Санкт-Петербурга позволяет сделать вывод о том, что власти города стремятся найти компромисс, делая выбор между новым правовым статусом для государственных (муниципальных) учреждений, которые подразумевают разную степень зависимости от государства. Так, на основании Постановления Правительства Санкт-Петербурга от 16.09.2008 №1182 (ред. от 21.02.2012 г.) «О комитете по социальной политике Санкт-Петербурга» было создано 3 казенных учреждения (консервация статус-кво: источником финансирования является бюджетная смета, отсутствие автономии управления), 27 бюджетных учреждений (источники финансирования: субсидии и средства, невысокая степень автономии управления), 1 автономное учреждение (источники финансирования: субсидии, высокая степень свободы управления). Этот краткий обзор демонстрирует институциональную инерцию в процессе реформирования системы социальных услуг.

Вторым новым механизмом финансирования являются правительственные программы. Которые, вместе с тем, в большей степени направлены на поддержку СО НКО, чем на компенсацию тех услуг, которые они реализуют. По результатам федерального конкурса, Санкт-Петербургская ассоциация общественных объединений родителей детей-инвалидов ГАООРДИ получила грант «на распространение опыта нашей организации помощи детям с редкими заболеваниями»⁶. Вместе с тем, очевидно, что этот механизм в большей степени отражает компромиссную логику, когда государство частично покрывает расходы СО НКО на определенные проекты, но не предоставляет систематические возможности (в том числе, инфраструктурные) для равноправной конкуренции. Здесь также следует отметить, что оба механизма финансирования (государственный заказ и правительственные программы) подразумевают покрытие расходов по результатам проведенной работы при отсутствии возможностей авансирования и кредитования, ставит НКО в неравные условия по сравнению с коммерческими организациями и государственными (муниципальными) учреждениями.

⁶ Цитата из интервью с М.А. Урманчеевой, президентом ассоциации ГАООРДИ (11 мая, 2012 года)

Новое законодательство подразумевает некоторые нововведения, которые не всегда реализуются на практике.

Так, важным законодательным новшеством является закрепление нового понятия социально-ориентированных некоммерческих организаций, которые оказывают социальные услуги населению и должны взять на себя определенные государственные функции⁷. Категория социально-ориентированных НКО впервые была введена поправками в федеральный закон от 05.04.2010 № 40-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций". Опыт принятия регионального закона в Санкт-Петербурге показывает, что местные власти не заинтересованы в создании правовых рамок, отвечающих логике административной реформы. Так, одним из первых ограничений принятого в Санкт-Петербурге регионального закона (принятого в развитие упомянутого выше федерального закона) является отсутствие самого определения социально-ориентированных некоммерческих организаций. Кроме того, в нем недостаточно четко прописаны те виды деятельности, которые могут осуществлять социально ориентированные НКО: «социальная поддержка и защита граждан», «деятельность в области образования, просвещения, науки и культуры, искусства, здравоохранения, пропаганды здорового образа жизни и т.д.». Задавая такие размытые рамки, законодатель невольно ставит под вопрос возможность государственной поддержки тех организаций, которые ориентированы на защиту семьи, детства, материнства и отцовства; развитие детского и молодежного движения, укрепление межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений, профилактику экстремизма и ксенофобии и т.д. Неудивительно, что такие некоммерческие организации уже сейчас видят сложности в том, чтобы «вписать» осуществляемые виды деятельности в существующие правовые нормы (как в Санкт-Петербурге, так и в других регионах России). А это означает и ограничения для их государственного финансирования, возможности которого предполагают федеральные нововведения. Кроме того, размытость формулировок видится экспертам основанием для различного рода злоупотреблений: избирательность в применении законодательной нормы и использование коррупционных практик в определении круга организаций, которым будет предоставлена финансовая поддержка государства.

Новое законодательство расширяет возможности инфраструктурной поддержки НКО. Прежде всего, речь идет о льготном пользовании инфраструктурными объектами города: беспроцентная или льготная аренда помещения. Решение этого вопроса находится

⁷ Показательно, что этому законодательному новшеству предшествовала предпринятая государством крупномасштабная операция перерегистрации всех НКО, которая преследовала своей целью ревизию российского некоммерческого сектора. Одним из эффектов стало, в частности, сокращение численности некоммерческого сектора. В экспертном и академическом сообществе нет консенсуса относительно оценки проведенной перерегистрации. Часть исследователей указывает на карательный характер и избирательность в проведении проверок и оценке отчетности НКО (см, например, Неправительственные, 2008; Гражданское, 2009). Вместе с тем, есть работы, авторы которых подчеркивают важность проведенной меры, поскольку она позволила выявить «реально существующие организации» и избавиться от организаций, которые использовали свой статус некоммерческих для финансовых операций и «отмывания» денег (Javeline, Lindemann-Komarova, 2008).

в ведении Комитета по управлению городским имуществом (КУГИ). Следует отметить, закрытость этого ведомства, которое предоставляет помещение, прежде всего, для ветеранских организаций.

Изменения в налогообложении всех физических лиц, в том числе, для НКО демонстрируют непоследовательность политического курса в этом направлении. Так, в 2011 году повысился единый социальный налог (ЕСН) с 14,2% до 26,2% (в 2012 году – 20,2%), что стало серьезным вызовом для стабильности деятельности и финансовой устойчивости НКО. Уход многих организации «в тень» (особенно, малого бизнеса) стимулировал федеральное правительство вернуть налоговую ставку на прежний уровень. Вместе с тем, за последние несколько месяцев в налоговое законодательство были внесены изменения, которые снижают налоговое бремя для НКО. Так, с 1 января 2012 г. вступают в силу поправки в Налоговый кодекс РФ (статьи 217 и 219 главы 23 «Налог на доходы физических лиц»), которые освобождают от выплаты налога на доходы физических лиц (НДФЛ) доходы (в виде имущества, в том числе, денежных средств), переданные жертвователями на формирование целевого капитала НКО⁸. Таким образом, благополучатели, которые принимают деньги из фондов или частных пожертвований на социальные нужды (лечение или обучение) не будут платить подоходный налог. Конечно, эта мера является прогрессивной и должна оказать позитивное влияние на развитие благотворительности в целом и развитие финансовой базы некоммерческих организаций, для которых пожертвования являются одним из значимых источников доходов.

Подводя небольшой итог, можно сказать, что формирование рынка социальных услуг происходит с некоторыми ограничениями: сами механизмы (государственный заказ) передачи реализации социальных услуг некоммерческим и коммерческим организации требуют реформирования. Кроме того, очевидно неравенство участников на этом рынке: в отличие от коммерческих организаций и государственных (муниципальных) учреждений, НКО ограничены в возможностях, обладая носителями опыта предоставления сложных социальных услуг.

Вторая гипотеза об увеличении численности организаций некоммерческого сектора, производящих социальные услуги эмпирически связана с опытом Латинской Америки. Так, опыт этих стран показывает, что уход государства из социальной сферы приводит к тому, что эту нишу занимают коммерческие и некоммерческие организации. Что, в результате, приводит к увеличению объема некоммерческого сектора, производящего социальные услуги.⁹ Учитывая тот факт, что государственные (муниципальные) учреждения будут переформатированы в такие нормативно-правовые формы НКО как казенные, бюджетные и автономные учреждения, то несомненно можно ожидать формальное увеличение объема некоммерческого сектора. Однако, как показывает опыт Санкт-Петербурга, институциональная инерция препятствует качественному изменению этих учреждений и конкурентному выходу их на рынок социальных услуг.

⁸ Правовой бюллетень НП «Юристы за гражданское общество» № 91 (3 ноября 2011 г.)

⁹ Alvarez et al, 1998, 1-22; Hemment 2004, 820-821 cited by Salmenniemi Civic organizations in Putin's Russia: co-operation, co-optation, confrontation, in Civil Society and Social Movements. Potentials and Problems Purdue D. (ed.). Routledge, London and New York, 2007, p. 25

Обзор реализации мер административной реформы в других регионах России проведенный Центром гражданского анализа и независимых исследований ГРАНИ, позволяет выделить две категории регионов: рыночно ориентированные (Пермский край, Республика Карелия, Ханты-Мансийски АО) и консервативные Санкт-Петербург, Свердловск, Белгород). Вопрос о том, какие факторы являются определяющими, является объектом дальнейшего изучения.

Выводы

Неолиберальные тенденции в современной России способствуют тому, что формируется рынок социальных услуг, который открывается для коммерческих и некоммерческих организаций, которые теперь будут конкурировать с бюджетными учреждениями (бывшие государственные и муниципальные учреждения). С одной стороны, они открывают дополнительные возможности государственного финансирования, с другой – ставят НКО в жесткие конкурентные рамки наравне с бывшими государственными организациями, которые обладают всем набором инфраструктуры. Среди ограничений можно назвать следующие: неурегулированное законодательство об НКО (административные барьеры в процессе регистрации и отчетности, налогообложение, статус имущества НКО, предоставление банковского кредита и т.д.) является препятствием для выхода их на рынок социальных услуг.

Помещение примера Санкт-Петербурга в сравнительный контекст позволит понять, что стоит за успешностью в реализации административной реформы и формирования рынка социальных услуг с широкими конкурентными возможностями для НКО. Необходимо понять, что является препятствием для реализации федеральной политики на региональном уровне или, что является противовесом региональной институциональной инерции? Сейчас очевидно, что в некоторых случаях, некоммерческий сектор оказывается в роли «третьего радующегося» (*tertius gaudens*). Так произошло с налогообложением, которое было снижено для некоммерческих организаций, поскольку именно эту правовую форму и должны принять государственные и муниципальные учреждения. Вместе с тем, довольно часто проявляется логика: «третий» не лишний, «третий» - запасной. Когда при формировании рынка социальных услуг, роль СО НКО не учитывается вовсе или рассматривается в качестве провайдера социальных услуг по остаточному принципу.

Список литературы

1. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Модернизация и публичная политика: актуальные проблемы и дискурс // Оценка состояния развития гражданского общества России: проблемы, инструменты и региональная специфика / Под ред. В.Н.Якимца. М.: КРАСАНД, 2010. С. 18 – 30
2. Risto Alapuro (2010). Comparative approach to associations and civil society in Nordic countries (an introduction)

3. Anheier Helmut (2002). The Third Sector in Europe: Five Theses // Civil Society Working Paper № 12 (<http://www.lse.ac.uk/collections/CCS/pdf/CSWP/CSWP12.pdf>)
4. Cook L. (2007). Postcommunist welfare states: reforms and politics in Russia and Eastern Europe. Cornell University Press
5. Hemment Julie (2009). Soviet-Style Neoliberalism? Nashi, Youth Voluntarism, and the Restructuring of Social Welfare in Russia. *Problems of Post-Communism*. (November/December), Vol. 56, №6, p. 36 – 50
6. Richter J. (2009). Putin and the Public Chamber. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 25, N 1. P. 39–65
7. Salamon L.M., Anheier H.K. Social Origins of Civil Society: Explaining the Non-profit Sector Cross-nationally. Working paper. John Hopkins University: Institute for Policy Studies. 1996 (доступ 10 апреля 2010 года, http://ccss.jhu.edu/pdfs/CNP_Working_Papers/CNP_WP22_Origins_1996.pdf).
8. Salmenniemi S. (2009). Civic organizations in Putin’s Russia: co-operation, co-optation, confrontation, in *Civil Society and Social Movements. Potentials and Problems* Purdue D. (ed.). Routledge, London and New York
9. Salmenniemi S. (2008). *Democratization and Gender in Contemporary Russia*. Routledge